

Каталог иссолька
- 1928. - 15 (12)
с. 164-168

Новое о прошлом в зарубежной печати.

К биографии Г. В. Плеханова.

В отношении материалов, могущих иметь интерес для истории марксистского периода русского революционного движения, зарубежная литература отличается исключительной бедностью. Если не считать двух обильно стоящих публикаций, — «Писем П. Б. Аксельрода и Ю. О. Мартова» и сборника материалов «Из архива П. Б. Аксельрода», да еще некоторых из мемуаров, изданных З. И. Гржебиным в его библиотеке «Летопись Революции», то среди зарубежных изданий, кажется, совершенно нельзя найти вещей, посвященных специально истории этого периода¹. Едва ли не единственная группа зарубежных публикаций, которая может представить хотя бы некоторый интерес в этом отношении, это — литература, появление которой вызвано уходом из жизни тех или иных видных представителей различных течений русского марксизма. На этот раз мы остановимся на той части этой литературы, которая относится к Г. В. Плеханову.

Надо сказать, что в этой литературе политика настолько преобладает над всем прочим, что для историка революционного движения, особенно движения до 1917 г., интереса огромное большинство из них представлять не может. Но все же именно в этой группе публикаций встречаются статьи и особенно воспоминания о личных знакомствах и встречах, интерес которых несомненен и зарегистрировать которые будет безусловно полезно.

Из воспоминаний о Г. В. Плеханове наиболее раннего периода его деятельности касается небольшой, но очень ценный отрывок из воспоминаний С. М. Ингермана «Как я познакомился с Плехановым»², относящийся к наиболее слабо освещенному периоду деятельности группы «Освобождение Трудя», — к эпохе ее самых первых выступлений. В этом отрывке автор рассказывает о своей студенческой жизни в Берне в годы появления первых изданий группы «Освобождение Трудя», о впечатлениях, произведенном ими на сочувствующую революционерам русскую студенческую аудиторию, и о первом своем знакомстве с Г. В. Плехановым. Автор, — в те годы совсем еще юный студент, хотя и прошедший уже школу народо-вольческих кружков на юге России (в Одессе и др.), — повидимому, пере-

¹ «Историю большевизма в России» ген. Спиридовича в счет брать, конечно, нельзя: эта жандармская история более интересна для истории борьбы с революционным движением (как пример того, что они в этом движении видели), чем для истории этого последнего.

² В журнале «Заря» (ежемесячный «Орган социал-демократической мысли») (Берлин), № 6—7, за июнь—июль 1923 г., стр. 165—169. О воспоминаниях Р. М. Плехановой «Первое наше знакомство с Жюлем Гедом», напечатанных в том же № «Зари», я не упоминаю, так как они в обратном переводе с французского напечатаны в первом томе сборников «Группа Освобождения Трудя», Госуд. Изд. Москва.

живал тогда период смутной, ему самому еще, быть может, неясной неудовлетворенности народовольчеством; эта неудовлетворенность выражалась в «минорном» настроении. Она создала благодарную почву для восприятия идей группы «Освобождение Труда». Прочитанная им вскоре после ее выхода первая брошюра Плеханова «Социализм и политическая борьба» произвела на автора воспоминаний огромное впечатление, — он был ею «как-то сразу ошеломлен»: «рой новых мыслей как-будто ворвался в голову, открывая новые перспективы; что-то новое, оригинальное, не совсем еще переваренное и понятное, но сильное своей стройностью и отчетливостью стало усиленно толкать мысль на новые пути, в сторону от старых, традиционных понятий». Справиться самому с нахлынувшими сомнениями автору было трудно; попытки обращаться к жившим в Берне эмигрантам ни к чему не вели, — все они сочувствовали народовольцам, и в ответ на свои вопросы автор воспоминаний не слышал ничего, «кроме плоских насмешек по адресу Г. В. Плеханова да выражения огульно отрицательного отношения к деятельности группы «Освобождение Труда». Тогда автор сделал попытку обратиться за разъяснениями некоторых вопросов к самому Плеханову. «Ответ не заставил себя долго ждать. В письме своем, написанном в очень мягком и дружеском тоне, Г. В. старался в самых общих чертах разъяснить мне сомнения и тут же заметил, что подробное и более обстоятельное разъяснение волновавших меня вопросов я найду в готовящейся сейчас к печати брошюре «Наши разногласия». Появление этих последних вызвало в бернской колонии «бурю негодования»:

«Среди нее было очень мало людей, которые бы стояли более или менее близко к воззрениям автора и которые вследствие этого могли бы охватить всю мощь и оригинальность высказанных в этой замечательной книге идей. Еще меньше было самостоятельных мыслящих лиц, которые независимо от того, согласны ли они или не согласны с выводами автора, могли бы совершенно объективно оценить все значение этого крупного вклада в нашу социалистическую литературу. Наша публика в большинстве своем состояла из элементов, случайно втянутых в круг народнических идей и продолжавших по инерции пребывать в нем. К серьезной критике новых идей и мыслей, высказанных в книге Плеханова, эти люди были совершенно неспособны. Не обладая хотя бы одним, более или менее серьезным аргументом, идя по пути наименьшего сопротивления, они стали забрасывать Плеханова грязью, не щадя даже его личной и семейной жизни».

Что же касается до автора воспоминаний, то по прочтении «Наших разногласий» он, наоборот, окончательно самоопределился в качестве с.-д. и образовал в Берне небольшой («2—3 человека») кружок «для популяризации и распространения идей группы «Освобождение Труда» среди студентов». Этот кружок организовал первую в Берне лекцию Плеханова на тему «Прошлое и настоящее нашего движения». — Ингерман дает очень интересные подробности о впечатлении, произведенном этим выступлением Плеханова.

Отрывок этот, очень вдумчиво и осторожно написанный, является вообще одним из наиболее интересных в нашей литературе рассказов о тех годах и заставляет жалеть, что его автор до сих пор не собрался продолжить свои воспоминания.

Остальные воспоминания о Плеханове относятся к значительно более поздним периодам его деятельности. С. Г. Скитаец³ рассказывает о своей

³ «Силуэты революции, Ленин и Плеханов», — в газете «Русский Голос» (Харбин) от 5, 9 и 16 марта 1922 г. В воспоминаниях этих речь идет о Ленине и Плеханове, — здесь я касаюсь только второй их части, на первой остановлюсь дальше.

54к?

поездке в Женеву, в «зарубежное Запорожье», и знакомстве там с Г. В. Плехановым; поездка эта относится к зиме 1903—04 г.г., — к периоду начала споров между большевиками и меньшевиками. Интересных фактов Скиталец не дает, — он был слишком случайным гостем в Женеве и в революционных кругах вообще, слишком чужды и далеки ему были обсуждавшиеся в этих кругах вопросы, чтобы он мог дать интересные замечания по существу. Чтобы понять, насколько мало он разбирался в этих вопросах, достаточно указать, что тогдашние (зимы 1903—04 г.г.) разногласия между большевиками и меньшевиками он характеризует, как спор о том, «какую революцию сделать лучше: по «большой» программе или по «маленькой»:

«Европеец Плеханов был убежден, что «пока» революция может идти под ручку с буржуазией, потому что «по дороге», и лишь в будущем на каком-то распутии они разойдутся.

«Но Ленин и слышать не хотел о том, чтобы идти под ручку с буржуазией: в его жилах кипела полумонгольская восточная кровь волжских ушуйников, и он предлагал одним пинком отправить «к чорту» весь старый «буржуазный» строй, да по-своему расправиться с воеводами, да пощупать толстопузых купцов...».

Впрочем, Скиталец и сам сознается, что его тогда эти споры интересовали мало, — ему просто интересно было «посмотреть» на представителей разных течений эмиграции, понаблюдать их, как типы. В качестве беллетриста он — именно таких впечатлений, — и только в этой части, только там, где его рассказ дает общую зарисовку внешнего облика встреченных им людей, общие впечатления от их разговоров и споров, его воспоминания и представляют известный интерес. Но зато эти внешние зарисовки у него иногда выходят довольно живыми, интересными; в частности это относится и к его рассказу о Плеханове, свои общие впечатления от которого, от его блестящих бесед в небольшом кружке, Скиталец передает в следующих фразах:

«У него был блестящий, сверкающий ум, напоминавший гибкую и острую рапиру в руке первоклассного дуэлиста. Он умел вести быстрый, яркий диалог, в котором ловкая игра слов и остроты сыпались с какой-то ошеломляющей силой. Стоило несколько минут послушать этого человека, чтобы, даже не зная, кто он, почувствовать в нем орла, ум высокого полета. Остроты его были неожиданны, содержательны и убийственно-метки. Да и весь разговор, в сущности, касался очень серьезных вопросов: Плеханов говорил о русском народе, о русской художественной литературе, при чем обнаружил большое понимание и тонкое знание ее. Коснувшись Толстого, нечаянно процитировал наизусть тираду из «Войны и Мира». Сострил при этом. Упомянув о живописи и музыке, — оказался знатоком и в этой области. А между тем, ведь это был экономист, ученый, крупный политический деятель. Я удостоился видеть одного из тех редких людей светлого, ясного ума, которые самые мудреные и сухие материи могут передавать в немногих, простых и образных словах, да еще придадут им блестящую, остроумную, часто забавную форму. Он словно играл тяжелыми и непосильными для нас вопросами, как силач в цирке играет пятипудовыми тяжестями, подбрасывая их выше себя и подхватывая налету...».

«Передо мной был несомненно сильный человек, высоко одаренный от природы, по-русски широкий, всеобъемлющий и при этом европейски образованный: казалось, не было такой области человеческих знаний, которую он не знал бы хорошо. Когда же разговор наш перешел на политические дела, русские и европейские, я почувствовал даже в этой несерьезной, остроумной беседе за кружкой пива, что имею дело с могучим, закованным в сталь и железо бойцом, «вооруженным до зубов».

Страничка из воспоминаний Розалинды Траверс-Гайндман, жены известного основателя и лидера английской с.-д. федерации, передает впечатления автора от встречи с Плехановым весной 1917 г., когда он проезжал через Англию в Россию⁴. Встреча эта была слишком мимолетной и впечатление от нее слишком беглое, чтобы рассказ мог представить серьезный интерес.

Яркие, действительно «глубоко волнующие» страницы дала Р. М. Плеханова, рассказавшая о самых последних днях жизни и о смерти Г. В. Плеханова⁵. Цитировать их трудно, — в них интересно почти все; образ больного, умирающего Плеханова, сломленного, но не согнувшегося, до конца сохранившего ясный и светлый ум, в этом рассказе запечатлен с большой силой.

Некоторые штрихи воспоминаний о Плеханове дал также Э. Вандербельде в его речи на собрании, устроенном в Париже по случаю 5-й годовщины смерти Плеханова; содержание этой речи передано в газетных отчетах⁶.

Из статей о Плеханове следует прежде всего отметить статьи Ю. Фердмана (Арзаева), напечатанные в виде предисловий к сборнику статей Плеханова за 1917—18 г.г. «Год на родине»⁷, и к изданию отдельной брошюры речи Г. В. Плеханова на Московском совещании (15 августа 1917 года)⁸. Первая из этих статей, — довольно обширная по объему (48 стр.), — является попыткой дать о Плеханове и краткий биографический очерк, и еще более краткую характеристику его взглядов. И в той, и в другой части статья сильно устарела, — за последние годы в отношении разработки биографии Плеханова сделано очень много; к тому же не свободна она и от прямых неточностей. Но при составлении статьи автор пользовался рассказами Р. М. Плехановой, и это делает ее в некоторых местах весьма интересной.

«Предисловие» к «Речи на Московском совещании» носит иной характер, — в нем г. Фердман пытается выяснить сущность отношения Плеханова к идее коалиции и даваемую им трактовку идеи диктатуры пролетариата. В этом отношении «Предисловие» это входит составной частью в довольно обширную полемику, которую его автор вел на страницах различных зарубежных изданий с публицистом-народником М. Вишняком, в ряде статей доказывавшим, что Плеханов является «духовным отцом» большевизма. Подробно на этой полемике становиваться здесь я не буду, — наиболее важными в ней моментами, кроме указанного «Предисловия», были следующие статьи:

М. Вишняк — в № 4 газеты «Родина» (Лозанна).

Ю. Фердман — в №№ 6 и 7 той же газеты — ответ Вишняку.

М. Вишняк: «Еще о диктатуре», там же, № 11 (мне эти статьи незнакомы).

А. П.

⁴ «Мои воспоминания о Плеханове» — в журнале «Заря» (Берлин), № 6—7 за июнь—июль 1923 г., стр. 175—176. В этом же номере «Зари» напечатан и некролог об авторе этих воспоминаний (она умерла на другой день по окончании воспоминаний).

⁵ «Последние дни Г. В. Плеханова (отрывок из воспоминаний Р. М. Плехановой)», — в журнале «Заря» (Берлин), № 5—6 (за май—июнь) 1924 г., стр. 135—139. Речь в отрывке идет о мае 1918 г.

⁶ См., напр., «Последние Новости» (Париж) от 3 июля 1923 г. Б. Н-ский. 243

⁷ Г. В. Плеханов: «Год на родине. Полное собрание статей и речей 1917—18 г.г.», II том, Париж, изд. Поволоцкого, 1921 г.

⁸ Г. В. Плеханов: «Речь на Московском государственном совещании. Историческая справка». Давос, типография Давосского Акц. О-ва «Швейцария», 1921 г.

- + Ю. Фердман: «Плеханов и Ленин» (открытое письмо в редакцию) — «Дни» (Берлин) от 30 мая 1923 г. — РКБ, БАН.
- Ю. Фердман: «К пятой годовщине смерти Плеханова» (открытое письмо П. Н. Милюкову) — «Последние Новости» (Париж) от 22 июня 1923 г. РКБ?
- + М. Вишняк: «Родословная большевизма (к истории идеи)» — «Дни» (Берлин) от 7 июля 1923 г.
- Ю. Фердман: «Один Плеханов или несколько?» — «Посл. Новости» (Париж) от 21 июля 1923 г. РКБ.
- + М. Вишняк: «Вынужденный ответ (еще раз о родоначальниках большевизма)» — «Дни» (Берлин) от 1 августа 1923 г. РКБ.
- Из других статей, посвященных Плеханову, отметить имеет смысл следующие:
- + А. Айзенштадт: «Об идеализме и материализме (по поводу книги Плеханова «Год на родине)» — в газете «Посл. Новости» (Париж) от 4 сентября 1921 г. РКБ, ЦСМБ, БАН.
- Н. Иорданский: «Основоположник русской революции (к трехлетию смерти Плеханова)» — в газете «Путь» (Гельсингфорс) от 21 и 22 июня 1921 г. БАН? РКБ.
- Он же: «Плеханов и современные русские проблемы» — в газете «Голос России» (Берлин), № 65 от 27 марта 1920 г. РКБ-ЦСМБ.
- + М. Первухин: «Трагедия Плеханова» — в газете «Общее Дело» (Париж) от 25 сентября 1921 г. РКБ, БАН.
- В. И. Талин: «Памяти Плеханова» — в журнале «Заря» (Берлин), № 4 от 19 июня 1922 г., стр. 97—99. — АП РКБ.
- «Лекция Л. Г. Дейча о Плеханове» (отчет) — в газете «Сегодня» (Рига) от 1 июня 1922 г. — БАН?

Б. Н-ский.

Савинков, как мемуарист.

(Окончание)

8) Покушение на вел. кн. Сергея Александровича.

Говоря о Савинкове, я не хотел бы оставить читателя под впечатлением одних отрицательных фактов. Если б я мог найти в нем что-нибудь крупное в смысле положительном, что-нибудь покрывающее все эти минусы, я бы, конечно, сделал это. Но я не знаю, чем бы можно было компенсировать отрицательные стороны в деятельности и в натуре Савинкова. Правда, мне, как и всякому другому, кто слышал хотя бы имя Савинкова, известны большие и незабываемые события, в которых он играл, — судя, по крайней мере, опять-таки по его же «Воспоминаниям», — положительную роль. Таково, напр., покушение на вел. кн. Сергея Ал., организованное 4 февраля 1905 г. в Москве в ответ на «Кровавое Воскресенье» в Петербурге. Убийство вел. кн. Сергея Ал. являлось первым ударом непосредственно по династии, за которым должны были последовать другие, вплоть до удара в самый «центр центров», как тогда выражались. Не естественно ли, поэтому, предположить, что как-раз здесь и находится все то положительное, что способно покрыть недочеты Савинкова, как организатора и террориста?

Посмотрим, так ли это на деле.

В покушении на вел. кн. Сергея Ал. ближайшее участие принимали четыре лица: Савинков, Куликовский, Каляев и Моиссенко («Опанас») ¹. Из

¹ Пятой была Дора Бриллиант, но она не входила в наблюдательный отряд, а исполняла роль динамитного техника.